

УДК 343.36

Актуальные вопросы квалификации уклонения от отбывания уголовного наказания¹

Горшкова Анастасия Александровна, магистрант, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются проблемные аспекты юридической оценки деяний, образующих объективную сторону составов преступлений, предусмотренных ст. 313 и 314 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются спорные вопросы разграничения уклонения от отбывания наказания со смежными составами, вопросы определения момента окончания преступления, а также квалификации уклонения при различных видах наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Предлагаются пути решения коллизий, возникающих в правоприменительной практике.

Ключевые слова: уклонение от отбывания наказания, уголовно-исполнительная система, квалификация преступлений, злостное нарушение порядка отбывания наказания, исправительные работы, ограничение свободы, условное осуждение, реальное отбывание наказания.

Институт уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания выступает в качестве важнейшего гаранта неотвратимости наказания, обеспечивая реализацию принципа законности при исполнении судебных актов. Несмотря на кажущуюся формальную определенность составов, закрепленных в гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации, правоприменительная практика сталкивается с многочисленными трудностями при квалификации указанных деяний. Основная проблема заключается в необходимости отграничения уголовно наказуемого уклонения от дисциплинарных проступков, а также в сложности установления субъективной стороны преступления, когда лицо, осужденное к наказанию, формально не исполняет возложенные на него обязанности. Настоящая статья посвящена анализу актуальных проблем квалификации уклонения от отбывания наказания, выявлению коллизий законодательной регламентации и формированию единообразных подходов к разрешению спорных ситуаций.

Понятие уклонения от отбывания наказания является собирательным и охватывает различные формы противоправного поведения, направленного на уход осужденного от претерпевания тех правоограничений, которые составляют содержание конкретного вида наказания. Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 313 и ст. 314 устанавливает ответственность за уклонение от отбывания ряда наказаний. При этом законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от вида наказания и статуса осужденного [1].

Первая группа преступлений, предусмотренных ст. 313 УК РФ, касается уклонения от отбывания лишения свободы. Объективная сторона данного состава выражается в двух формах: невозвращение в исправительное учреждение без уважительных причин лица, осужденного к лишению свободы, которому было разрешено временно покинуть пределы данного учреждения, а равно неприбытие без уважительных причин в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, которому была отсрочена отбывание наказания. Ключевым признаком здесь выступает факт самовольного оставления территории исправительного учреждения либо места работы или проживания в период использования права передвижения, предоставленного в связи с особыми условиями отбывания наказания.

Как верно отмечает В. С. Шабаль, актуальной проблемой квалификации по ст. 313 УК РФ является разграничение простого

уклонения от злостного уклонения. Хотя сам термин «злостность» в диспозиции данной статьи прямо не употребляется, правоприменительная практика исходит из того, что разовое невозвращение, не сопряженное с совершением иных противоправных действий, должно квалифицироваться по ст. 313 УК РФ. Однако возникает вопрос о том, следует ли признавать оконченным данное преступление в момент истечения срока, отведенного осужденному для возвращения, либо после истечения более длительного периода, свидетельствующего об устойчивом противоправном намерении. Анализ судебной практики показывает, что преступление признается оконченным с момента истечения срока временного отсутствия, установленного администрацией исправительного учреждения. Тем не менее такой подход порождает риск привлечения к уголовной ответственности лиц, задержавшихся в силу объективных причин на непродолжительное время, но не имевших умысла на уклонение. Более сложным представляется квалификация уклонения от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В ст. 314 УК РФ установлена ответственность за уклонение от отбывания ограничения свободы, принудительных работ, а также за неприменение мер принудительного медицинского характера [2].

Особого внимания заслуживает вопрос об определении признаков злостности применительно к уклонению от отбывания исправительных и обязательных работ, хотя формально они выделены в самостоятельный состав, имеющий определенную специфику.

При квалификации уклонения от отбывания исправительных работ правоприменитель сталкивается с необходимостью установления факта нарушения порядка и условий отбывания наказания, признанного злостным. Злостное уклонение от отбывания исправительных работ имеет место в случае повторного нарушения порядка отбывания наказания после вынесения письменного предупреждения либо в случае самовольного прекращения работы. Однако на практике возникает вопрос о том, какое количество нарушений должно предшествовать признанию уклонения злостным, если осужденный систематически не является на регистрацию, но каждое такое нарушение не сопряжено с оскорблением представителя уголовно-исполнительной инспекции. Судебная практика не всегда единообразна: в одних случаях два нарушения признаются

¹ Научный руководитель: Левашова Ольга Викторовна — доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

достаточными, в других — требуется не менее трех. Такая вариативность создает неопределенность в правовом положении осужденного и не соответствует принципу правовой определенности.

Еще одной проблемой выступает разграничение уклонения от отбывания исправительных работ и сокрытия осужденного от контроля уголовно-исполнительной инспекции. При смене места жительства или работы без уведомления инспекции возникает конкуренция административного и уголовно-правового порядка. Ключевое значение приобретают продолжительность отсутствия осужденного и принятие им активных мер к уклонению. Непродолжительное уклонение до одного месяца часто не признается уголовно наказуемым, что снижает превентивный потенциал наказания. При уклонении от отбывания ограничения свободы, предполагающего установленные судом запреты, деяние выражается как в активных действиях, так и в систематической неявке на регистрацию. Практика квалификации по ч. 4 ст. 314 УК РФ показывает проблему оценки характера нарушений: не всякое нарушение признается уклонением, а критерии злостности в уголовном законе отсутствуют. Злостным обычно признается уклонение с двумя и более нарушениями в год либо с сопутствующим правонарушением, однако такой подход не закреплен законодательно и создает риски субъективной оценки [3].

Отдельного внимания заслуживает уклонение от уплаты штрафа. Уголовная ответственность за него как самостоятельное преступление не установлена, что является пробелом, поскольку крупные штрафы за экономические и коррупционные преступления часто не уплачиваются при реальной возможности. Правоприменитель вынужден прибегать к гражданско-правовым и административным механизмам, что снижает эффективность уголовного наказания. Существенной проблемой выступает разграничение деяний по ст. 314 и ст. 315 УК РФ. Если по ст. 314 субъект — осужденный, то по ст. 315 — должностные лица и служащие. Однако при давлении осужденного на руководителя организации возникает вопрос о квалификации: самостоятельное уклонение либо пособничество. Судебная практика склоняется к самостоятельности уклонения, поскольку волеизъявление осужденного направлено на избежание наказания.

Важным аспектом квалификации является установление субъективной стороны уклонения от отбывания наказания. Данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Лицо должно осознавать, что оно обязано отбывать наказание, предвидеть, что его действия или бездействие препятствуют исполнению приговора, и желать этого. Проблема заключается в доказывании умысла в случаях, когда осужденный формально не нарушает предписаний, но фактически уклоняется от наказания. Отсутствие прямых доказательств умысла часто приводит к оправдательным приговорам либо к прекращению уголовного дела, что свидетельствует о необходимости совершенствования методики расследования данного вида преступлений.

Примечания

1. Лигай Л. Ю. Отдельные проблемы квалификации уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ) // Юридические исследования. 2023. N 10.
2. Шабаль В. С. Уклонение от отбывания наказания: перспективы совершенствования реализации // Вестник Кузбасского института. 2024. N 3.
3. Цыренжапова С. С. Злостное уклонение осужденного от отбывания обязательных работ // Молодой ученый. 2021. N 3.
4. Карханина Л. В. К вопросу об ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. N 3.
5. Киселева А. Г. Уголовно-правовая характеристика наказаний, не связанных с лишением свободы: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты // Актуальные исследования. 2023. N 3-1.

Не менее значимой является проблема квалификации уклонения от отбывания наказания в отношении лиц, которым наказание назначено условно с испытательным сроком. Хотя формально ст. 314 УК РФ не содержит прямого указания на условно осужденных, практика идет по пути привлечения их к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314 УК РФ в случае злостного неисполнения обязанностей, возложенных судом. Однако здесь возникает теоретический спор: условное осуждение не является наказанием в смысле ст. 44 УК РФ, а представляет собой особый порядок реализации уголовной ответственности. Следовательно, уклонение условно осужденного от контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции не может квалифицироваться как уклонение от отбывания наказания в строгом смысле слова. Данная коллизия разрешается Верховным Судом Российской Федерации путем указания на то, что в подобных случаях возможно применение положений ч. 3 ст. 74 УК РФ, предусматривающей отмену условного осуждения и направление лица для реального отбывания наказания [4].

Особого внимания заслуживает вопрос о квалификации уклонения от отбывания принудительных работ. Практика квалификации показывает, что наибольшие сложности вызывает разграничение простого и злостного уклонения. В отличие от лишения свободы, где однократное невозвращение уже образует состав преступления, в отношении принудительных работ требуется установить систематичность нарушений. Актуальной проблемой, носящей межотраслевой характер, выступает квалификация уклонения от отбывания наказания в виде ограничения по военной службе. Данный вид наказания применяется к осужденным военнослужащим и предполагает удержание из денежного довольствия в доход государства. Судебная практика в таких случаях идет по пути привлечения военнослужащего к ответственности за неисполнение приговора суда по ст. 315 УК РФ, что не вполне корректно, поскольку субъектом данного преступления военнослужащий не является [5].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии системных проблем квалификации уклонения от отбывания уголовного наказания, выражающихся в неопределенности критериев злостности, отсутствии единообразного подхода к разграничению уголовно наказуемого и дисциплинарно наказуемого поведения, а также в пробелах правового регулирования ответственности за уклонение от уплаты штрафа и нарушение обязанностей условно осужденными. Устранение выявленных недостатков путем законодательного закрепления легального определения злостности применительно к каждому виду наказания, унификации момента окончания преступления и восполнения существующих пробелов будет способствовать укреплению принципа неотвратимости наказания и единообразию судебной практики.

English version

Current issues in the qualification of evasion of serving a criminal sentence

Gorshkova Anastasiya Aleksandrovna, master's student, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines problematic aspects of the legal qualification of acts constituting the objective elements of crimes related to evasion of serving a criminal sentence. The paper analyzes controversial issues in distinguishing such evasion from related offenses, determining the moment of completion of the crime, and qualifying evasion in relation to various types of punishments not involving deprivation of liberty. The author proposes solutions to conflicts arising in law enforcement practice.

Keywords: evasion of serving a sentence, penal enforcement system, qualification of crimes, malicious violation of the procedure for serving a sentence, correctional labor, restriction of liberty, suspended sentence, actual serving of a sentence.